

Духовно-этическіе этюды.

Объ учительствѣ.

Если трудно учить, то еще труднѣе учить учительству. Ибо учительство есть и великій грѣхъ, и величайшее добро.

Учительство грѣхъ потому что: „и не называйтесь наставниками ибо Одинъ у васъ Наставникъ — Христосъ“ (Мѡ. 23, 10). И — „братья мои, не многіе дѣлайтесь учителями, зная, что мы подвергнемся большему осужденію“ (Іак. 3, 1).

Учительство — добро, потому что „кто сотворитъ и научитъ, тотъ великимъ наречется въ Царствіи Небесномъ“ (Мѡ. 5, 19) и — „Какъ прекрасны ноги... благовѣствующихъ благое“ (Римл. 10, 15).

Творить и учить трудно. Трудно блаженство учительства, и трудно избавленіе отъ его грѣха.

Учащій уподобляется Богу. Неправильно (не-надлежаще и не въ надлежащимъ духѣ) учащій уподобляется идолу и діаволу. Въ этомъ крестъ истиннаго учительствованія, и его слава.

× Евангеліе есть Слово, направленное не къ ученикамъ только, но и къ учителямъ, ибо ученикъ Божій есть учитель человѣковъ. Жить по Христу — это значитъ непрестанно учить всѣхъ и научиться чрезъ всѣхъ и отъ всего. Жить по Христу — непрестанно учить себя.

Ученіе истинѣ — другихъ, есть лишь возрастаніе ученія себя.

Кто евангельски учить себя (являетъ любовь Божію къ себѣ), можетъ учить и другихъ. Правильно учащій себя — изливается правильностью сердца своего и ученія своего на другихъ. Ибо другихъ видитъ частицами себя. И имъ изливаетъ свое познаніе любви. Имъ излучаетъ свое познаніе правды; и словами, и дѣлами, и молчаніемъ, и молитвой.

Въ любящемъ все учить; ничто не пребываетъ въ покоѣ, все изливается, излучается, приобщается ко всему и все приобщаетъ своей любви.

Учительство Христово есть осоленіе міра — чрезъ людей. Людей — другъ чрезъ друга. Лживое учительство есть сѣяніе плевель (Мѡ. 13, 25) — горькой травы зла и невѣднія.

Сѣяніе ученія равно сѣянію хлѣба. Слово небесное сѣется чрезъ слово человѣческое. Слово человѣческое есть видъ зерна; слово Божіе есть сила жизни въ зернѣ. Форма должна сгнить, и слово человѣческое должно стертись. Сила Божія, оплодотворяющая слово человѣческое, даетъ плодъ. Судъ надъ словомъ есть молчаніе, въ которомъ все истинное зрѣетъ и растетъ (митр. Филаретъ).

Слово о духѣ должно быть словомъ духа. Иначе оно будетъ ложно.

Слово истины — проволока

тонкая, по которой духъ Божій востекаетъ къ сердцу человѣка и измѣняетъ сердце. „Вы уже очищены черезъ слово, которое Я проповѣдалъ вамъ“ (Іоанъ. 15, 3).

Я — говоритъ Господь — испытующій сердца (Апок 2, 23)...

Вѣра отъ слышанія (Римл. 10, 14). Вѣра есть измѣненіе естества; не убѣжденіе, а измѣненіе и претвореніе человѣка. Слухъ же и слово — проводники вѣры къ сердцу — отъ другого сердца.

Миръ полонъ различными колебаніями и волнами. Положительное и отрицательное движеніе духа совершается за порогами нашего сознанія, и только отчасти улавливается опытомъ нашей жизни (Евангеліе — о травѣ невидимо, однако же замѣтно растущей... Мк. 4, 26—29).

Учительство есть горѣніе и излученіе правды, все равно скрытое или открытое („Нѣтъ ничего тайнаго, что-бы не стало явнымъ“). Истинное учительство зрѣтъ съ сокровеннымъ сердца человѣкомъ (І Петр. 3, 4), и не утаивается ни отъ людей, ни отъ ангеловъ. (Отъ людей — иногда, отъ ангеловъ никогда; и потому всегда есть сила для міра и его спасеніе.) Блаженъ подвигъ проповѣдниковъ Слова, „проповѣдующихъ на кровлѣ“ (Мѡ. 10, 27); блаженъ и подвигъ безмолвнаго скитанія, въ ущельяхъ земли (Евр. 11, 38) святыхъ отшельниковъ. Ихъ свѣтъ невидимо грѣтъ и учитъ милліоны людей.

Объ избыткѣ сердца.

„Отъ избытка сердца глаголютъ уста“ (Мѡ. 12, 34). Что та-

кое этотъ избытокъ сердца? Влага ядовитая имѣетъ ядовитое испареніе. Благоухающая — благоухаетъ своимъ испареніемъ. Духовное содержимое сердца не можетъ утаиться, оно просвѣчиваетъ сквозь человѣка, льется изъ глазъ, сходитъ съ языка, со всѣхъ движеній и чертъ.

Въ сокровенной внутренней жизни человѣка накапливаются энергіи, добрыя или злыя. Добрыя столь же не могутъ жить въ одномъ сердцѣ со злыми, какъ вода съ огнемъ. Либо огонь уничтожаетъ воду, либо вода заливаютъ огонь. Ихъ борьба есть мученіе человѣческаго сердца. Мученіе исчезаетъ лишь при побѣдѣ злого или добраго, и человѣкъ либо успокаивается во злѣ и самоволіи, становится „выше добра и зла“ (Ницше), либо находитъ покой Господень — благословенную „субботу“ свободы отъ страстей и похотей. Первое успокоеніе есть выраженіе духовной смерти; второе, — покой жизни по Христу.

Всякій человѣкъ имѣетъ свое содержимое сердца. Надъ очищеніемъ сего содержимаго надо непрестанно работать человѣку, дабы войти увидѣть Господа, дабы осязать Господа руками своими. Блаженство сего обѣщано чистымъ сердцемъ (Мѡ. 5, 8). Огонь Духа долженъ испарить изъ сердца всѣ воды, капли и пѣну страстей (грѣховныхъ самоволій). Вода Крещенія должна угасить всѣ „разженные стрѣлы лукаваго“ (Ефес. 6, 16), и огонь похоти и грѣха.

Дабы единое высшее естество восцарствовало въ сердцѣ, ожи-

вотворяя его огнемъ святыни и прохладяя водами Высшей Жизни.

Вода жизни подмѣнивается въ сердцѣ мертвой водой, и огонь славы горней подмѣнивается огнемъ геенны. Но вода грѣха и смерти сожигается огнемъ любви евангельской, и огонь геенны угашается водами благодати.

Но пока не совершилось это воскресеніе чело в ѣ ка (уже въ сей жизни), идетъ борьба за вѣчную жизнь, радость и мученіе чело в ѣ ческое. Крестъ.

„Избытокъ сердца“ есть невѣсомое излученіе даннаго (въ данный мигъ) содержанія сердца. Избытокъ надо хранить, не являть его. Въ этомъ законъ первичной духовности чело в ѣ ка. Надо управлять своимъ „избыткомъ“, умѣть его удерживать.

Злой надо удерживать и втайнѣ испепелять. Добрый надо удерживать — хранить какъ нѣчто драгоценное, сокровенное, нектарное, исчезающее — при неосторожномъ и неблагоговѣйномъ обращеніи.

Вода благодати дается тому, кто умѣетъ ее хранить. Огонь духа ангельскаго вручается тому, кто умѣетъ не только его мудро открывать въ мірѣ, но и заражать его руками своими отъ больныхъ глазъ міра.

„Избытокъ“, солинку свою Божию надо хранить, какъ зѣницу ока сердечнаго, тысячекратно болѣе тонкаго, чѣмъ внѣшнее, глядящее на временныя явленія міра.

Непроизвольно показываютъ обычно люди зло свое. Хотятъ скрыть, и — не могутъ. Пусть и

обнаруженіе добра всегда идетъ этимъ путемъ. И тогда будетъ являться истинный избытокъ. Если сами станемъ открывать добрые „избытки“ свои — откроемъ сердце неутвержденное свое и — поранимся (Мѡ, 7, 6). Если станемъ скрывать сердце — откроемъ избытокъ, и въ той мѣрѣ, въ которой скрыли сердце... Ибо Господь уже будетъ являть Свой избытокъ любви чрезъ наше сердце. Чуденъ и тонокъ этотъ законъ; блаженно его примѣненіе. Видишь его на скромныхъ, на совѣстливыхъ, на незнающихъ своей правды, но сияющихъ своей правдой людяхъ.

Тайное учительство.

Явно учить лишь тотъ, кто умѣетъ учить тайно. Тайно просвѣщать себя, тайно отражать свѣтъ Божій въ мірѣ.

„Пусть лѣвая рука твоя не знаетъ, что дѣлаетъ правая“ (Мѡ. 6, 3), „помолись Отцу твоему втайнѣ“ (Мѡ. 6, 6) . . . „Смотрите, не творите милостыни вашей предъ чело в ѣ ками, да видимы будете ими“ (т. е. ради этого) (Мѡ. 6, 1) . . . „Подобно Царствіе Божіе горчичному сѣмени, которое меньше всѣхъ сѣмянъ (въ мірѣ земныхъ явленій) (Мк. 6, 30—31) . . . Тайное отношеніе къ окружающему міру, сокрыты въ Господѣ. Порученіе себя и этихъ своихъ Всевышнему.

Старцы оптинскіе по бѣльшей части обличали при кровенно (подъ видомъ какого нибудь разсказа, или событія изъ ихъ личной жизни). Тайственное вразумленіе — самое острое, самое „разсѣкающее“ чело в ѣ ка. Слово

Божіе только то разсѣкаетъ насъ, которое наиболѣе непосредственно, т. е. непринудительно и остро входитъ въ нашу душу. Мы ищемъ убѣжденія, не насилующаго нашей свободы, а всякое слово человѣческое тащитъ насъ; лишь одно слово Божіе (хотя бы и въ словѣ человѣческомъ) — зоветъ насъ, являя свою любовь. Слово же человѣческое уговариваетъ и принуждаетъ.

Богъ Живой есть величайшая свобода и великое милованіе. Этого милованія исполнены мы должны быть, и тогда слово наше будетъ учить и освобождать.

Жизнь есть тайное ученіе, и учительство тайное.

Явное учительство.

Явное учительство есть свидѣтельство; или иначе сказать — мученичество. Мученикъ по гречески означаетъ свидѣтель, и свидѣтель (истины Божіей въ мірѣ) есть всегда мученикъ. Ибо преодолѣвать ему надо терніе собственнаго сердца и шипы діавола всего міра. „Свидѣтельство“ есть явное учительство въ мірѣ. Истина должна проникнуть до послѣдней сферы міра, на самыя дальнія его волны, объять слухъ и голосъ, воздухъ, дыханіе и языкъ. Когда мы свидѣтельствуемъ (явно говоримъ истину Божію въ мірѣ и о мірѣ) мы говоримъ не только тому человѣку, которому говоримъ въ данную минуту, но и всему міру: ангеламъ и человѣкамъ, солнцу, воздуху, землѣ и небу... Ибо истина, высказан-

ная звукомъ голоса человѣческаго, проходитъ всѣ небеса (Римл. 10, 18) и, увеселяя ангеловъ, ложится у Престола Божія, какъ нѣкое сѣмя, долженствующее воскреснуть въ Послѣдній день. Безмѣрно цѣнно это исповѣданіе слова, свидѣтельство Истины чрезъ грѣшнаго человѣка въ мірѣ грѣшномъ! Истинно, кто не постыдится Христа, Сына Божія (Его правды, Его чистоты), того и Сынъ Человѣческій не постыдится, когда придетъ во славу Своей — „со святыми ангелами“ (Лк. 9, 26), добавляетъ Евангеліе. Ибо ангелы — свидѣтели нашихъ словъ.

Объ Истинѣ надо говорить лишь „отъ избытка сердца“. И нельзя слышать (объ Истинѣ) безъ проповѣдующаго“ (Римл. 10, 14). Но „какъ проповѣдывать, если не посланы?“ (Римл. 10, 15). Слышать міръ долженъ истину Божію — отъ себя же, отъ своихъ устъ, отъ устъ людей грѣшныхъ. „Твоими устами буду судить тебя, лукавый рабъ“ (Лук. 19, 22). Оттого ангелы на землѣ молчатъ, а человѣки посылаются. Ихъ сердцу дается „избытокъ“, и этотъ избытокъ даетъ имъ силу свидѣтельства. Свидѣтельствовать же можно лишь о томъ, что „видѣли очи“, что „осязали руки“ (1 Іон. 1, 1)... „О Словѣ Жизни“. Сердце должно осязать, сердце должно видѣть Христа. Только такое свидѣтельство принимается на судахъ человѣческихъ.

Иеромонахъ Іоаннъ.

Берлинъ.